

А. И. ВВЕДЕНСКИЙ

Учение Канта о пространстве

(Разъяснение и критика)

Критический взгляд часто прославляли за скромность, но при такой скромности науке скоро пришлось бы ходить с сумою по миру.

Тренделенбург¹

Канта нельзя обойти тому, кто хочет заниматься философией серьезно. Его идеи необходимо изучить и критически продумать: иначе он будет вечно стоять пред сознанием темным и смущающим призраком.

«Канта не трудно опровергнуть, но очень трудно понять». Несмотря на кажущуюся странность, этот часто повторяемый афоризм заключает в себе вполне верную мысль. История показывает, что Кант был прав, когда опасался не столько опровержения, сколько перетолкования. Действительно, в громадной кантовской литературе легче встретить книгу, которая торжествует над Кантом легкую победу, чем сочинение, которое вводит в истинное разумение его идей. А между тем к сознанию несостоятельности Кантовой философии можно подняться именно только путем углубления в ее подлинный смысл: философию Канта необходимо прежде всего продумать, — продумать в ее связи, основаниях и следствиях, — и тогда сама собою откроется ее роковая односторонность.

Нижеследующие страницы представляют попытку отнести именно таким образом к учению Канта о пространстве, — показать, что, если мы возьмем соответствующие тезисы «Трансцендентальной эстетики» в их подлинном смысле, то тем самым для нас делается очевидною их коренная несостоятельность. Но, конечно, такой прием несколько не исключает, —

даже требует, сопоставления идей Канта, для правильного определения их ценности, с другими, научно обоснованными, положениями в области того же вопроса.

В учении Канта о пространстве три основные мысли. Мы будем рассматривать их в том порядке, в каком они изложены у самого Канта*.

1. ПЕРВОНАЧАЛЬНОСТЬ (АПРИОРНОСТЬ) ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ

Кант начинает свое изложение с ближайшего вопроса — с выяснения характера нашего знания о пространстве. Как на первую, самую характерную и важную, черту его он указывает

* Файгингер² в своем знаменитом «Комментарии к Кантовой “Критике чистого разума”» (*Vaihinger. Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Bd. I—II. Stuttgart, 1881—1892*; сочинение далеко не окончено) отводит разъяснению кантовского учения о пространстве, как оно изложено в «Кр<итике> ч<истого> р<азума>» (§ 2—3), свыше двухсот стр. (123—367) большого формата и весьма убористого шрифта. Можно себе представить, на основании этого, до каких размеров могла бы разрастись наша настоящая статья, если бы мы захотели следовать Фангингеру в разъяснении всех частностей! Мы не ставим себе поэтому задачей написать полную монографию по занимающему нас вопросу; но ограничиваемся лишь вопросами общими и основными. Пособиями при составлении настоящей монографии, кроме упомянутого «Комментария» Файгингера (который в объяснительной части, — критики у Файгингера почти нет, — служил для нас главным руководителем), для нас служили следующие книги³: 1) *Cohen. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1871*; 2) *Riehl. Der phil. Criticismus. Bd. I—II. Leipzig, 1876—1879* (пособие для истолкования Канта не особенно надежное, так как автор склонен толковать тезисы «Трансцендентал<ьной> эстетики» с точки зрения ранних догматических взглядов Канта, что исторически совсем недопустимо); 3) *Hartmann Ed. Kritische Grundlegung des transc. Realismus. Berlin, 1885* (собственно для критики — с. 118—138); 4) *Козлов А. А.*⁴ а) Генезис трансц<ендентальной> эстетики Канта. Киев, 1884 и б) Свое слово. № 4. СПб., 1892; 5) *Тренделенбург. Логические исследования* (рус. пер. 1868 г.), т. 1, гл. VI; 6) *Кудрявцев В. Д.*⁵ Собр. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 210 и сл.; 7) *Преосв. Никанор*⁶. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. III. С. 77—94. — «Критику чистого раз<ума>» мы цитруем по изд. Адикеса⁷ (*Adickes Erich. Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 1889*; лучшее издание «Критики»: исправный текст и ясные, при краткости, примечания историко-терминологического характера).

на изначальность (априорность) пространства. В понятие априорности, по кантовской терминологии, входит два признака: 1) независимость от опыта по происхождению и 2) необходимость в составе нашего знания (в данном случае в составе опыта, — необходимость для опыта). Оба эти признака Кант и открывает в нашем знании о пространстве, устанавливая каждый признак в отдельном тезисе.

Первый тезис читается так:

«Пространство не есть эмпирическое понятие, отвлекаемое от внешних опытов. Ведь для того, чтобы известные ощущения относились к чему-то, вне меня находящемуся (т. е. к чему-то находящемуся в ином месте пространства, а не в том, в котором я), равно как и для того, чтобы я мог представлять их вне и рядом друг с другом, следовательно, не просто как различные, но как находящиеся в различных местах, — для этого мы должны уже иметь представление о пространстве (оно должно уже лежать в основе всех этих процессов отнесения вовне *). Следовательно, представление пространства не может быть добыто чрез опыт из отношений внешних явлений; но сам этот внешний опыт первоначально (allererst) возможен только чрез примышляемое (gedachte) представление (пространства)»⁸.

Смысл приведенного кантовского тезиса кратко может быть выражен так: «Наше представление о пространстве не происходит из внешнего опыта, ибо образует его *grüus*, — дано раньше опыта, предшествует ему». Однако и в этой формулировке тезис Канта не вполне ясен. Дело в том, что понятие предшествования или предварения (ощущений представлением пространства) может быть понято в двояком смысле, — в смысле психологическом (в смысле предшествования во времени, в психологическом познавательном процессе) и в смысле логическом (в смысле внутренней зависимости моментов или элементов опыта, в смысле их обусловленности одних другими). В первом случае мы можем истолковывать предварение опять-таки в двояком смысле: как непосредственно сознаваемое (предварение ощущений представлением пространства) в развитом сознательном опыте; или же — как непосредственно несознаваемое, уходящее в глубину досознательной жизни и потому открываемое лишь путем последующего анализа. В каком из этих трех смыслов мы должны истолковать тезис Канта?

Прежде всего, мы не можем истолковывать тезис Канта в первом смысле, т. е. в смысле непосредственно сознаваемого предварения ощущений представлением пространства в развитом опыте: при таком толковании тезис противоречил бы не

* Пояснение в скобках: «оно... вовне» — наше <(A. B.)>.

только показаниям нашего сознания, но и тому пониманию существования дела, какое, как открывается из других мест «Критики», имел сам Кант. В самом деле, что говорит нам по данному вопросу наше сознание? Оно говорит, что нашему опыту в готовой и развитой форме, т. е. тому опыту, который слагается из представлений и восприятий предметов и их свойств, отнюдь не предшествует во времени готовое представление пространства, но что элементы пространства (отдельные частные протяжения) даны одновременно с нашими восприятиями, — как бы переплетены с ними. Даже в ощущениях самых субъективных наших чувств (каковы ощущения обоняния, слуха) анализ открывает присутствующие пространственных элементов, что и выражается в их локализации. Тем несомненнее их присутствие в восприятиях чувств высших (особенно в зрительных, что и дало некоторым психологам основание рассматривать восприятие протяжения, а следовательно, и пространства как чисто «оптический феномен»). Таким образом, по свидетельству сознания, мы узнаем о пространстве не раньше опыта, но вместе с ним, в нем и чрез него. Если же мы захотим изолировать элементы пространства от того чувственного материала, вместе с которым они даны в нашем опыте, то нам ничего другого не останется, как пройти тем путем, который в данном случае Кант отвергает, т. е. путем абстракции, причем тотчас же и обнаружится, что наше развитое представление о пространстве есть именно «эмпирическое понятие, отвлекаемое от опыта» (что отрицает Кант). И замечательно, что сам Кант, тут же, в предыдущем параграфе своей «Критики», высказывается о предмете именно в этом смысле. «Если я, — говорит философ, — из представления какого-либо тела устранию все мыслимое в нем рассудком, как-то: сущность, силу, делимость и пр., а также все, относящееся в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твердость, цвет и пр., то от этого эмпирического созерцания останется еще нечто — именно протяжение и образ»*. Итак, протяжение и образ или форма предмета, как разъясняет здесь Кант, суть абстракты, — понятия, полученные путем отвлечения от конкретных чувственных созерцаний. Но от этих абстракций мы легко можем сделать и обыкновенно делаем шаг дальше, — именно мы можем в отвлечении обособить, «абстрагировать» элемент общий протяжению и фигуре, исключив то, что отличает протяжение от фигуры или формы предмета. Вот этот-то общий протяжению и фигуре эле-

* *Adickes*. S. 69.

мент мы и называем пространственностью. Пространственность есть, следовательно, эмпирическое понятие, отвлекаемое от представления протяженности и фигуры. Отсюда еще один маленький шаг, и мы тем же путем отвращения придем к понятию о пространстве. Итак, мы не можем толковать тезис Канта в смысле предварения ощущений представлением пространства в развитом опыте, так как, во-первых, это противоречило бы показание непосредственного сознания и, во-вторых, Кант сам допускал, по-видимому (судя по приведенной выдержке), участие, в образовании развитого представления о пространстве, процессов отвращения от эмпирических данных. Мы должны, следовательно, взять тезис Канта не в этом внешнем, но в более глубоком и тонком смысле.

Ввиду неудовлетворительности первого из вышенамеченных толкований тезиса перейдем ко второму толкованию. С этой новой точки зрения вопрос относительно рассматриваемого тезиса может быть поставлен так: в нашем развитом опыте, как мы только что разъяснили, представление пространства не предваряет эмпирического материала (ощущений); но, может быть, в нашей неразвитой, зародышевой, досознательной психической жизни совершается такое предварение? Может быть, бессознательное размещение апостериорных элементов опыта (ощущений) в представлении пространства, бессознательное связывание их пространственными формами, — быть может, этот досознательный процесс должен быть признан точкой отправления и необходимым условием внешнего опыта? В таком случае представление пространства мы действительно должны были бы усвоить первенство (*prius*) в сравнении с остальными элементами опыта (ощущениями), — и в смысле временного предварения их в досознательной жизни духа (в смысле «прирожденности») и в смысле необходимого условия, которое только и делает внешний опыт возможным. Итак, не должны ли мы принять тезис Канта в этом, исправленном и по-видимому более удовлетворительном, смысле? Долю правды в тезисе Канта, при только что сделанном его истолковании, мы, несомненно, признать должны: элементы опыта (ощущения), которые ведь все в своей первичной форме характера внутреннего (как состояния нашего сознания), чтобы перейти из интенсивных величин в экстенсивные, должны быть, так сказать, привязаны к чему-либо бесспорно и первоначально экстенсивному, — должны быть соотнесены, связаны с чем-нибудь, изначально имеющим для нас характер внешности. Но, признав в кантовском тезисе эту долю истины, мы не можем, однако, принять его

вполне в той формулировке, какая придана ему Кантом. Кант называет этот пространственный prius опыта представлением*. Но, во-первых, высказывает это положение совершенно догматически, нисколько не пытаясь его доказать. Во-вторых, если

* Что понимает здесь Кант под словом «представление»? Вопреки довольно распространенному мнению, по которому будто бы «Канту никогда и в голову не приходило утверждать прирожденность представления о пространстве и времени» (типичным выразителем этого мнения служит, наприм<ер>, Виндельбанд⁹, — см. только что появившееся на русском языке извлечение из его известной «Истории философии»: Философия Канта / Пер. Надежды Платоновой. СПб., 1895. С. 66), — вопреки этому неправильному мнению Файгингер, путем правильного сличения относящихся сюда мест, с непрекаемою ясностью показывает, что Кант понимает под этим словом именно прирожденное представление, т. е. совершенно определенную заложенную в нашей душе в готовой форме (bereitliegende) мысль о пространстве (созерцание, представление), которая не только предшествует во времени всем нашим внешним восприятиям, но предшествует именно, как определенная, совсем готовая, актуальная форма (Commentar, II, 84—8), так что, но Файгингеру, в «Трансцендентальной эстетике» «априорное существование тождественно с прирожденным» (100). Впрочем, так как, при дальнейшем изложении своей «Критики» (в «Тр<ансцендентальной> аналитике»), Кант усваивает понятию априорного уже не столько психологический (= «врожденность»), сколько гносеологический (= «необходимое условие опыта») смысл и в самой «Тр<ансцендентальной> эстетике» «представление» неожиданно превращается у него в «форму чувственности» (см. ниже, 3), которую он рассматривает просто как потенцию или возможность образования определенного представления о пространстве, то, «хотя все комментаторы учили о временном предварении внешних восприятий представлением о пространстве, однако большинство из них добавляло, что это предварение есть лишь потенциальное, актуальным же представлением о пространстве является лишь чрез акт и в самом акте восприятия» (168). Вот почему Кант иногда отличает представление о пространстве, как бессознательный априорный фактор восприятия, от апостериорного сознательного представления о нем, отвлекаемого от конкретных пространственных восприятий (170). Конечно, если протолковать мысль Канта в этом последнем смысле, то она не только не будет представлять ничего несовместимого с точною научно-психологическою постановкою вопроса, но прямо найдет в современной психологии для себя сильнейшую поддержку. Но если понимать ее в первом смысле, как именно, по-видимому, и понимает ее Кант в тезисах своей «Эстетики», тогда его теория окажется в прямом противоречии с бесспорными фактами, доказывающими несомненное участие, в выработке определенного сознательного представления о пространстве,

бы он и сделал такую попытку, то, без сомнения, она ему не удалась бы, так как относить представление, в установившемся смысле этого термина, т. е. как одну из форм нашей сознательной мысли, в досознательную жизнь духа по меньшей мере странно. Что такое именно этот *prîus* пространства, — есть ли это смутное чувство протяженности нашего тела, как думают одни, или непосредственное и изначальное восприятие границ и протяженности, которые даны во всех наших зрительных ощущениях, как утверждают другие, или что-либо другое, — об этом у психологов велись и ведутся длинные споры. Не входя в разбирательство этих споров, заметим лишь, что и сам Кант, говоря о пространственном *prîus*'е опыта в других местах своей «Критики», не только не настаивает на термине «представление», но и не выдерживает его, а характеризует этот приус или априорный (доопытный) элемент опыта как некоторое неразвитое зерно, ненаполненную «форму» или потенцию, — как некоторую почву, на которой, под условием апостериорных данных, развивается отчетливое представление о пространстве (см. ниже, 3, а). Таким образом, и при втором толковании кантовского тезиса, оказывается что его положение: «Пространство не есть эмпирическое понятие» и т. д. по меньшей мере требует ограничения. И именно, в противовес кантовскому тезису, на основании предыдущих разъяснений, можно формулировать такое положение: «Пространство не есть внеопытное понятие: ибо, хотя для отнесения наших ощущений вовне действительно необходим в нашем духе некоторый пространный

апостериорных данных. Не останавливаясь на этом вопросе (см. об этом в любой психологии, — напр<имер>, в недавно переведенных на рус. язык, с нового изд. «Лекциях» Вундта¹⁰ о душе человека и животных. СПб., 1894. С. 150 и сл. — 10-я лекц.), укажем здесь лишь на один самый решительный факт, — на различие так называемого зрительного и осязательного пространства [этот, уже давно подмеченный факт изучается и настоящее время с особенною тщательностью, — есть один из наиболее популярных современных философско-психологических вопросов; см. об нем в тщательно составленных и весьма содержательных монографиях современного французского психолога Дюнана (Dunan)¹¹: 1) *L'espace visuel et l'espace tactile* (три артикля в «*Revue Philosophique*»). 1888. Т. 25); 2) *Theorie psychologique de l'espace*. Paris, 1895 (монография, представляющая переработку и дополнение артиклей, помещенных в «*Revue*»); доказательная сила этого факта, в применении к нашему вопросу, метко охвачена и выражена проф. А. А. Козловым в 4 № «Своего Слова», с. 19—20].

приус, но этот приус не может быть истолкован в смысле развитого сознательного представления пространства, а лишь — в смысле зародыша или зерна этого представления (что согласуется и с разъяснениями самого Канта), каковое зерно развивается в представление не иначе, как под влиянием опыта».

Чтобы не показалось, будто мы ставим окончательный приговор над тезисом Канта, не исчерпав всех возможных его смыслов и взяв его в значении неблагоприятном для философа, мы можем еще раз переменить угол зрения и, опираясь на заключительные слова тезиса («поэтому и т. д.»), можем протолковать его в смысле не психологическом, но логическом, — признать, что Кант доказывает и разъясняет здесь не доопытность, не предварение опыта представлением пространства (в порядке временно-психологическом), но независимость представления пространства от опыта и, наоборот, зависимость элементов опыта от представления пространства. Тогда ход мыслей у Канта можно будет выразить приблизительно следующим образом: «Пространство нельзя вывести из внешних восприятий, потому что самые эти восприятия возможны только при готовом представлении пространства, — оно не продукт опыта, а его условие и, как таковое, предшествует ему, дано первоначально или а priori». При таком понимании дела, доказываемому положению действительно общалась бы непоколебимая твердость; но такое понимание нужно предварительно обосновать разъяснением подлинной природы нашего представления о пространстве, как именно первоначального, независимого от опыта (априорного) условия его (опыта) возможности. Это и делает Кант во втором тезисе.

Тезис второй:

«Пространство есть необходимое представление, а priori, лежащее в основе всех внешних созерцаний (наглядных представлений). Нельзя представить себе, будто нет пространства, хотя вполне можно мыслить, что в нем нет никаких предметов. Оно признается, следовательно, условием возможности явлений, а не зависимым от них их определением и есть представление а priori, необходимо лежащее в основе внешних явлений»¹².

Приведенный тезис есть необходимое дополнение к предыдущему, так что оба эти тезиса, говоря строго, образуют одну теорему с двумя доказательствами, — косвенным и прямым. Такое взаимоотношение обоих тезисов хорошо выясняет Файгингер. «Смысл первого аргумента, — говорит он, — был таков: явления не предшествуют нашему представлению о пространстве,

(не прежде его), так что это последнее не может быть отвлечено от них; скорее мы должны признать, что представление о пространстве существует изначально и предшествует явлениям, а они следуют за ним, так как ведь они обусловлены пространством. Смысл же второго аргумента, очевидно, следующий: явления даны (существуют) не без представления о пространстве, т. е. я не могу представлять явлений без пространства, следовательно, пространство есть необходимая составная часть явлений, а чего-либо внепространственного или непространственного нельзя и представить. Эту составную часть пространства я не могу выделить так, чтобы самые явления и после этого все еще оставались, хотя вполне могу проделать обратный эксперимент: могу удалить явления, а пространство все-таки останется. Следовательно, оно не только предшествует их (явлений) возникновению, но и остается по их упразднении. Таким образом, тогда как, по смыслу первого аргумента, пространство есть необходимый прецедент (*Præcedens*) явлений, по смыслу второго — их неустранимый ингредиент (*Ingrediens*). Там пространство признавалось только не-эмпирическим представлением (отрицательное определение), здесь утверждается как необходимое представление, а priori» *.

Относительно этого тезиса могут быть поставлены два вопроса, которые не вполне покрывают друг друга, несмотря на их сродство. Первый вопрос касается отношения пространства к вещам, в нем находящимся, и может быть сформулирован так: действительно ли, как утверждает Кант, вытеснив из своего сознания представление о всех каких бы то ни было предметах, все эмпирическое, чувственное его содержание, я и при таком условии все-таки буду еще в состоянии мыслить (созерцать, представлять) самую их пространственную форму, само пространство? Второй вопрос берет пространство само по себе, вне отношения к содержимым в нем (по обычной терминологии) вещам, и может быть сформулирован так: действительно ли мы не можем никаким образом вытеснить из своего сознания представления о пространстве, так что оно обладает для нас характером абсолютной необходимости и от представлений о нем ни-

* *Commentar*, II, 190. Здесь кстати отметить одну корректурную подробность: в начале второго тезиса пред *a priori* в лучших нем. изд., как и в подлиннике, стоит komma (запятая, — в русском перев. опущена), которая, очевидно, нужна, так как без нее получился бы плеоназм (необходимость — признак априорности, см. *Commentar*, I, 206), а теперь она имеет смысл: «т. е.» или «вследствие этого» (*Commentar*, II, 185).

когда нельзя освободиться, а кто пытается сделать это, с тем, по картинному сравнению Куно Фишера, бывает то же, что с известным господином с косою у Шамиссо¹³, который «поворачивается направо, поворачивается налево, а коса все висит у него позади»? На оба эти вопроса * мы должны дать ответ отрицательный, и именно по следующим основаниям.

Во-первых, как было разъяснено выше, развитое представление о пространстве (а его предполагаемый досознательный психологический приус здесь, очевидно, в соображение идти не может) образуется под влиянием опыта (что признает и сам Кант), и следовательно, по крайней мере теми чертами, которые делают из него отчетливый, ясно сознаваемый элемент мысли, оно обязано опыту и с этой стороны и в этом смысле на

* Наши два вопроса соответствуют различию двух смыслов в кантовском понятии необходимости пространства, выясняемых Файгнгером, хотя, как сейчас увидит читатель, и не вполне совпадают с ним. «Очевидно, — говорит он, — заключение Канта мы должны разложить на две составные части: а) пространство есть необходимое представление, а priori; б) пространство необходимо лежит в основе внешних явлений — есть условие их возможности. Первая мысль утверждает необходимость представления о пространстве самого по себе и как такого, — в смысле невозможности вытеснить это представление из сознания, отмыслить прочь (im Sinne der Nicht — Hinweg — Denkbarkeit), или, — что то же, — необходимость для меня, для представляющего субъекта. Вторая же мысль утверждает необходимость представления о пространстве для внешних явлений, для представляемых объектов. Оба эти вида необходимости (у Канта не везде и не достаточно строго различаемые) мы должны различать лишь терминологически и можем всего лучше называть — первую абсолютною необходимостью, а вторую относительною (или же как необходимость субъективную и объективную). Говоря строго, из доказательства Канта следует лишь абсолютная необходимость представления о пространстве, его априорность (ибо необходимость есть ведь признак априорности). Но и относительную необходимость представления о пространстве (для явлений), хотя она и не следует прямо из доказательства, можно, однако, рассматривать в качестве ближайшего вывода из него, — в качестве короллария. В самом деле, если пространство есть необходимо сопровождающее мое сознание, априори данное мне представление, от которого я не могу освободиться, которое остается во мне даже и в том случае, если я устранию все его содержание, — то это столь упорно преследующее меня представление, очевидно, есть необходимое условие и моего представления о внешних явлениях, так что никаких предметов я не могу представить иначе, как в пространстве, оно сопровождает все мои представления о предметах, как их постоянная основа...» (Commentar, II, 193).

нем основано. Но если так, то каким же образом, можно утверждать, будто, уничтожив все, что дается восприятием, весь чувственный материал, мы будем еще в состоянии мыслить пространство, определенные черты которого именно от этого материала и заимствованы, под его влиянием выработаны? Психологическое возникновение (т. е. самый факт, что представление о пространстве имеет в нашем сознании свой генезис, вырабатывается и развивается постепенно и в связи с данными восприятиями) делает логически немислимым утверждение Канта. И нетрудно показать, что это так и почему именно так. Мы представляем себе внешний мир главным образом посредством чувства зрения, почему и субъективной основой нашего представления о пространстве, — в чем согласно большинство психологов, — служит именно зрение (частнее — восприятие света или цвета)*. Вследствие этого, когда мы мысленно удаляем из поля своего зрения все предметы, то представление опустошенного поля зрения не вполне утрачивает в нашем воображении положительный характер наглядности и осязательности, — пространство представляется нам обыкновенно в виде какого-то клубящегося хаоса с бледно-серой или с желто-красной (смотря по индивидуальности) окраской. Это воображаемое опустошенное поле зрения, так прихотливо расцветаемое, в зависимости от индивидуальных особенностей, нашу фантазию, отличается от внешнего мира, как обычной среды наших восприятий, наполненной определенными предметами, лишь тем, что, тогда как эта последняя обыкновенно имеет форму полушария, опустошенное поле зрения расширяется нашей фантазией в целую сферу, хотя и с неопределенными очертаниями периферии. Далее, эта мысленно опустошенная от предметов, но удерживающая окраску, расцветенная среда или сфера сохраняет в нашем воображении и свои основные пространственные определения: наше *я*, как психо-физическое целое, есть центр этой сферы; отношением же к этому центру определяются все протяжения или места, занимаемые предметами. Вследствие такой тесной связи наших пространственных представлений с зрительными восприятиями, нам, если наш психофизический организм совершенно нормален (т. е. если мы пользуемся всеми органами восприятия и особенно в данном случае важнейшим, зрением), — нам не только трудно, но положительно невозможно проделать над собою тот опыт, к которому приглашает Кант и на который он указывает как на дока-

* См.: *Riehl*. Der phil. Kriticismus. Bd. II. S. 148 сл.

зательство априорности представления о пространстве, т. е. удержать представление о пространстве, вытеснив из него все его эмпирическое содержание и всякие его конкретные определения, а в том числе и зрительные. Так как центр и источник пространства есть наше *я*, как некоторая продуктивная представительная сила, то, хотя бы нам и удалось каким-нибудь образом проделать над собою этот психологический эксперимент, «зрительное пространство», его созерцаемый образ будет возникать снова с непобедимою силою, — до тех пор, пока наш орган зрения нормально функционирует и способен доставлять нам материал для построения зрительного пространства. Живые зрительные восприятия и представления будут властно противодействовать всем усилиям абстрактного мышления обесцветить пространство и превратить его в простую формальную схему. Человек слепорожденный или лишившийся зрения, правда, представляет себе пространство без определенных зрительных (световых и цветовых) свойств и определений; но он заменяет их показаниями своего осязания. Притом представления слепорожденных настолько несовершенны, что бывали психологи и философы, которые совершенно отрицали у них идею пространства. Это, конечно, крайность*. Но во всяком случае пространственные представления слепорожденных настолько смутны, что в их сознании пространство в значительной мере или даже и совершенно теряет свой экстенсивный характер, так что из величины экстенсивной превращается в интенсивную. Вывод же отсюда в применении к нашему вопросу тот, что по мере утраты нами способности (вследствие утраты наших чувств) вносит в пространство эмпирические (прежде всего зрительные) определения, теряет свою определенность и постепенно как бы исчезает и наша идея (представление) пространства.

Итак, оказывается, что, вопреки Канту, мы не способны удержать в своем сознании образ пространства, из которого было бы удалено все конкретное, опытно данное, содержание. Если наша фантазия расстилает пред нами образ или сферу пространства, то непременно одевает его каким-нибудь чувственным покровом и, в зависимости от степени отчетливости и ясности этого покрова, и самое представление о пространстве получает для нас определенность и ясность. Мы не можем вытеснить из пространства его эмпирических определений, — очистить от них, превратить его в чистую форму. Этим предре-

* См. об этом: *Dunan*. L'espace visuel et l'espace tactile // *Revue philosophique*. 1888. Т. 25.

шается в отрицательном смысле и второй из поставленных выше, относительно второго кантовского тезиса, вопросов. Очевидно, в самом деле, что ввиду изложенных соображений необходимость пространства очень условна: «Если даны такие-то и такие-то восприятия, ощущения и т. д., то дано и пространство». Но если они не даны? Если речь идет не о них, будет ли и тогда пространство необходимым представлением? Говоря иначе: точно ли пространство есть безусловно-необходимое представление, так что мы не можем отрешиться от представления о нем никогда и ни при каких условиях? Ответ на этот вопрос, после всего сказанного, очевидно, должен быть отрицательный. Если мы не можем удержать представление о пространстве, вытеснив или удалив мысленно все его внешне-опытные определения (вследствие их неразрывной генетической связи), то и наоборот, — мы не можем удержать представления о пространстве, если отвлекаемся от внешнего опыта, переступаем за его пределы. Кто говорит о своей душе как о нематериальном, т. е. внепространственном начале, тот доказывает тем самым возможность отвлечься от идеи пространства. И сам Кант дает наилучшее доказательство такой возможности, когда утверждает, что подлинная действительность (т. е. ноуменальный, умопостигаемый мир вещей в себе) не подчинена условиям и формам нашего чувственного знания, т. е. не подлежит пространственным ограничениям. При сопоставлении Кантовой теории о необходимости пространства с его учением о мире ноуменов, тотчас же оказывается, что необходимость пространства и с его точки зрения условна. С научно же психологической точки зрения условность нашего представления о пространстве вполне очевидна и именно должна быть признаваема в двух отношениях: во-первых, пространство, очевидно, приложимо лишь к внешнему миру; во-вторых, далее и по отношению к этому последнему, пространство является познавательной формой не при всех возможных условиях. В самом деле, так как, по учению современной психологии, наши пространственные представления обусловлены нашим зрением, осязанием и вообще связью нашей души с организмом, то мыслим и такой порядок вещей, при котором вместе с организмом отпадут и формы нашего чувственного (пространственного) познания, так что внешний мир явится пред нашим сознанием (после смерти) величиною уже не экстенсивною, а интенсивною, — в форме духовных сущностей, связанных иными, теперь нам неведомыми, связями и отношениями.

На основании предложенного разбора, в противовес второму кантовскому тезису, можно формулировать такой контртезис: «Пространство не есть необходимое представление, а priori; ибо: 1) судьба представления о пространстве тесно связана с судьбой представления о вещах и вообще с чувственным материалом; 2) есть области бытия, к которым мы и теперь считаем эту форму познания неприложимою и, 3) вероятно, для каждого из нас наступит некогда время, когда мы окажемся в состоянии мыслить даже и внешний мир вне этой формы».

2. СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР (ИНТУИТИВНОСТЬ) НАШЕГО ЗНАНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ

Доселе Кант доказывал, что наше «представление» о пространстве имеет характер знания первоначального и необходимого (априорного). Но термин «представление» как вообще, так в частности и у Канта, имеет слишком растяжимый смысл (у Канта этим словом обозначаются все вообще теоретико-познавательные состояния души), и очевидно, не всем «представлениям» может быть усвоен характер первоначальности и необходимости. Отсюда для Канта возникала задача ближе определить тот вид или класс представлений, к которым он относит наше знание о пространстве. В двух стоящих у нас теперь на очереди тезисах он это и делает. Он относит наше представление о пространстве к классу представлений интуитивных, т. е. представлений наглядных или созерцаний. Этим Кант думает сообщить большую определенность, законченность и прочность своим предыдущим доказательствам: ему нужно установить тезис, что пространство есть не эмпирическое, но априорное представление и так как о дискурсивном понятии этого доказать нельзя, то он и спешит разъяснить здесь, что пространство не дискурсивное понятие, но — наглядное представление или чистое созерцание. Это доказательство распадается опять-таки на два аргумента, изложенных в тезисах третьем и четвертом. Тезис третий читается так:

«Пространство есть не дискурсивное, или, как говорят, всеобщее понятие об отношениях вещей вообще, но чистое созерцание. Ибо, во-первых, можно представить себе лишь одно-единственное пространство, а когда говорят о многих пространствах, то под этим разумеют лишь части одного и того же всеединого пространства. И эти части не могут предшествовать единому всеобъемлющему пространству, в качестве его составных частей (из которых можно было бы его составить), но мыслятся лишь в нем. Оно

существенно едино, множественное же дано в нем, а следовательно, и общее понятие о пространствах вообще основывается на его ограничениях. Отсюда следует, что в основании всех понятий о пространстве лежит созерцание a priori, которое не эмпирично»¹⁴.

В приведенном доказательстве Канта можно различать четыре момента: доказываемое положение: два аргумента и заключение.

Предметом доказательства (*objectum probationis*) служит положение: «Пространство есть не дискурсивное понятие, но чистое созерцание». Это противоположение понятия наглядному представлению (созерцанию), это «не — но» (противоположение, проводимое со всею решительностью и резкостью в «Логике» Канта и возводимое там в принцип) есть одна из крупных ошибок кантовской теории знания, в которой сказалась коренная односторонность его формалистической психологии. По меткому выражению проф. А. А. Козлова*, Кант «разгородил» наше познание непреходимыми рубежами, — разделил его на чувственность, рассудок и разум и запретил себе и другим переход из одной области в другую. Отсюда у него и оказались, с одной стороны, созерцания или воззрения, исключаяющие всякую логическую переработку в понятия; с другой — понятия, не реализуемые в наглядных представлениях, совершенно формальные (категории); наконец — идеи, не допускающие рационального обоснования. Но такое резкое разграничение гносеологических форм научно оправдано быть не может. Мы оставим в стороне идеи, которые нас в данном случае касаться не могут, и всмотримся ближе во взаимоотношение наглядных представлений (созерцаний) и понятий. Что общее, отвлеченное понятие отличается от частного, конкретного созерцания, — это, конечно, не подлежит ни малейшему сомнению: во-первых, в понятии отрицаются («отвлекаются») все индивидуальные черты частного, конкретного созерцания; во-вторых, оно всегда сопровождается сознанием, что оно есть гносеологическая форма, общая многим частным представлениям. Но это не дает еще основания совершенно разрывать рассматриваемые гносеологические формы и противопоставлять их одну другой как полные противоположности. Во-первых, все положительное, позитивное в содержании как вообще всего нашего познания, так, в частности, и в наших понятиях дается созерцанием. Даже самое отрицание индивидуальных элементов частного созерцания в поня-

* Козлов А. А., проф. Генезис... С. 189 сл.

тии имеет положительную, созерцаемую сторону, — именно созерцание умственного акта устранения из сознания некоторого положительного содержания мысли. Следовательно, и в понятии все еще остается некоторый созерцательный элемент, и если бы его не было, то не было бы и самого понятия. Даже понятие о «ничто» осуществляется именно этим способом: оно становится понятием лишь потому, что содержанием для него служит мысленное устранение некоторого положительного не-что. Во-вторых, понятие не только удерживает в себе созерцательный элемент, но в некотором смысле само может быть названо единичным созерцанием, стремится преобразоваться в него. Пока положительный элемент в понятии (т. е. созерцаемый) я мыслю многократно или повторно, пока я не возвысился еще над процессом сравнения и беспокойно перехожу от одного частного созерцания к другому, стараясь уловить им общее, — до тех пор у меня еще нет понятия как готовой гносеологической формы: я только на пути к выработке его. Лишь после того, как я солью множественность сходных элементов частных созерцаний в одно численное тождество и овладею им как единичным, частным и обособленным созерцанием, — лишь после этого я могу сказать, что выработал определенное и законченное понятие. Теперь эта упраздненная понятием множественность единичных созерцаний отражается лишь в сопровождающем понятие сознании, что это, приобретенное таким образом, отвлеченное общее созерцание можно найти в каждом из тех единичных созерцаний, от которых я исходил при установке своего понятия. Таким именно образом я и получаю возможность рассматривать это частное понятие как понятие всеобщее, т. е. общее всем сходным созерцаниям, всему неопределенному множеству их. Но если таким образом нет понятия без созерцательного элемента, то, с другой стороны, нет и созерцания или наглядного представления, в которое бы в большей или меньшей степени не вплетались интеллектуальные или логические элементы (сознательно или бессознательно): это один из прочно установленных тезисов современной психологии. С этой точки зрения мы должны признать, что между созерцанием и понятием не только нет противоположности, но что, напротив, они имеют нечто общее и именно стоят в одинаковой противоположности к материалу ощущения: созерцание есть понятие на низшей ступени отвлечения, а понятие на высшей. Чем дальше мы удаляемся от грубого материала ощущения, тем более сказывается участие логической переработки и тем меньше остается места «материи ощущения». Совершенно

исчезнуть из познания, однако, ни тот ни другой элемент (ни созерцательный, ни логический) не могут. Так называемых чистых, т. е. свободных от всякого созерцательного элемента, понятий нет: так называются обыкновенно лишь те понятия, из которых настолько вытеснен всякий созерцательный элемент, что остается как будто бы лишь одна форма («как будто»¹⁵, но — не на самом деле)*.

Итак, вопреки Канту, созерцанию (наглядное представление) и понятие не суть абсолютно противоположные формы знания, так что одно и то же содержание мысли может быть и созерцанием и понятием. Но, быть может, наше знание о пространстве стоит в данном случае в исключительных условиях? Быть может, оно, именно как утверждает Кант, может быть только созерцанием, но никак не может выразиться в форме понятия? Рассмотрим аргументы, приводимые Кантом в пользу этого его тезиса.

Смысл первого доказательства («ибо... всеединого пространства»), приводимого Кантом в пользу его тезиса, кратко может быть выражен так: «Пространство есть нечто единственное — unicum: существует лишь одно-единственное пространство, а не многие; вследствие этого, о пространстве, как и о всяком единичном существе или индивидууме, возможно лишь знание в форме наглядного представления или созерцания (*singularis repraesentatio*), а не в форме понятия, которое к единичным существам не приложимо» (Файгингер, II, 211). Что пространство есть нечто единственное, unicum, — это верно, хотя это положение в устах Канта, как трансцендентального идеалиста, звучит несколько странно. В самом деле, когда реалист называет пространство единым и единственным, то это понятно: ибо, хотя бы в его сознании и оказалась раздвоенность пространства (как, наприм., это бывает на первых порах у оперированных слепцов, у которых пространство осязательное не вполне покрывается зрительным), однако реалист всегда может поверить свое искаженное представление о пространстве по его объективному корреляту и исправить. Но ведь трансцендентальный идеалист считает пространство нашим субъективным продуктом, так что, с его точки зрения, «сколько голов, столько и пространств»: как же после этого он может говорить об одном-единственном пространстве? Чтобы получить это право, транс-

* Если понятие слишком отвлеченно, то на помощь бессильному в данном случае созерцанию приходит символика (семиотика), которая помогает мышлению знаками или схемами.

цендентальному идеалисту необходимо перейти или на точку зрения реалиста, или солипсиста. Но оставим в стороне эту тонкость и допустим, что и Кант имел с своей точки зрения право говорить о пространстве как о некотором *unicum*: что же, давало ли это ему право признать наше знание о пространстве созерцанием? Отнюдь нет. Возьмем аналогичное понятие — понятие Вселенной. Это, несомненно, есть нечто единственное; но так же несомненно с другой стороны, что о Вселенной мы можем образовать понятие. Подобным же образом и о пространстве, хотя оно есть нечто в своем роде единственное, мы можем образовать понятие. Мы видели уже, какой процесс при этом происходит в нашей душе. Из частных пространственных определений (протяжений) путем их сочетания мы построаем некоторое общее комбинационное понятие пространства, как единого всеобъемлющего целого, и так как при образовании понятия об этом всеобъемлющем пространстве мы, так сказать, издерживаем весь строительный материал, т. е. все частные понятия отдельных протяжений, то тем самым уже заранее исключается возможность построения другого пространства, исключается просто потому, что я сознаю, что весь материал я издержал на выполненный уже мною синтез пространства. Таким образом, единичный характер пространства, вопреки Канту, нисколько не лишает нас возможности мыслить о нем в форме понятия, — например, как о совокупности или синтезе частных пространственных определений, т. е. протяжений (причем мы не впадаем ни в какой круг, так как частные определения пространства или протяжения нам известны раньше образованного из них, как строительного материала, единого пространства). Если в пространстве есть части (а это признает Кант), то ничто не мешает нам составить о нем понятие как «о совокупности своих частей».

Кант, однако, предвидит это возражение и дает на него ответ во втором доказательстве своего тезиса («и эти части... ограничения»). Ход мыслей в занимающем нас теперь отрывке Файгингер выясняет таким образом. Канту предносится возражение, которое может вызвать его первый аргумент. «Ты сказал, — могли заметить Канту на его первый аргумент, — что отдельные пространства суть части единого пространства; но этим ты допускаешь, что пространство как бы сложено или составлено из этих своих частей, так что эти части предшествуют представлению единого пространства, следовательно, представление о пространстве есть лишь агрегат отдельных представле-

ний об этих многих пространствах»*. На это-то возражение Кант и отвечает в своем дополнительном аргументе: конечно, — такова его мысль, — пространство имеет части; но нельзя представлять себе, будто единое пространство составлено из этих частных пространств. Наоборот, самые эти частные пространства возможны лишь в том всеобщем пространстве, ибо пространство «существенно едино», т. е. просто, однородно и внутренне связно, и если говорят о многих пространствах, то отнюдь не следует забывать, что представление о них возможно лишь путем ограничения единого всеобъемлющего пространства. Не пространство, следовательно, возникает из своих частей, но, наоборот, самые эти части возникают чрез ограничение единого пространства, так что единое пространство есть нечто данное, а частные пространства — нечто вторичное, образуемое нами из этого данного первичного пространства. Таким образом, пространство не есть какое-то как бы мозаичное образование, — как бы какая-то общая ткань, сшитая из отдельных пространственных лоскутков или обрывков пространства, не есть общий результат или итог частных пространств. Части пространства даны не раньше его, но в нем. Подобно тому, как в первом аргументе было сказано, что «единичные явления не предшествуют пространству, но представимы лишь чрез него и в нем», так теперь здесь разъясняется, что отдельные части пространства даны не прежде его, но возможны лишь чрез него и в нем.

Такова аргументация Канта. Нужно удивляться и нельзя достаточно надивиться тому, как человек такого проницательного ума, как Кант, мог связать судьбу своего тезиса со столь слабым и шатким доводом, как только что изложенный. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить известное различие традиционной логики между объемом и содержанием понятий. «Единое пространство, — аргументирует Кант, — содержит частные пространства в себе (а не под собою, — ср. след<ующий> тезис) и потому оно есть представление, а не понятие». Но ведь и понятие дерева содержит в себе (т. е. в своем объеме) понятия березы, ели, сосны и т. д., этой березы, этой ели и т. д., содержась в то же время и само в качестве их родового признака в них (т. е. в содержании каждого частного понятия о том или другом дереве). Совершенно то же самое можно сказать и в данном случае, относительно пространства: единое пространство содержит в себе (т. е. в своем объеме) частные простран-

* *Файгингер*, II, 215—216.

ства, в то же время само, своим содержанием, входя в качестве общего или родового признака в каждое понятие о частном пространстве или протяжении. Таким образом, ничего особенного, сравнительно с другими понятиями, понятие о пространстве в данном отношении не представляет. Подобным же образом и прием ограничения, на который указывает Кант как на специальную особенность понятия о пространстве, в сущности есть обычный прием при раскрытии и всех других родовых понятий. Например, понятие бытия мы постепенно ограничиваем посредством присоединения новых признаков и таким образом превращаем в понятия бытия: реального, материального, ограниченного и т. д.

На основании сказанного, вопреки заключению Канта («отсюда следует... эмпирично»), по которому будто бы пространство есть чистое априорное созерцание, а не дискурсивное понятие, следует признать, что наше знание о пространстве может принять любую гносеологическую форму: может быть и созерцанием или наглядным представлением (например, у ребенка, который еще как бы погружен в созерцаемое им пространственное бытие, а вероятно, также и у животного), и представлением (когда человек, сознав себя довольно отчетливо, противопоставляет себе, — ставит пред собою, «представляет», — пространственную внешность), и понятием (когда наглядный или эмпирический элемент в нашем познании о пространстве как бы отступает на задний план*, и, наконец, — идею (когда

* Утверждая, что пространство есть априорное созерцание, но не дискурсивное понятие, Кант думает, что только благодаря такому характеру нашего знания о пространстве возможна геометрия, так как, говорит он, «геометрические основоположения, например, что в треугольнике две стороны вместе больше третьей никак не могут быть выведены с аподиктической достоверностью из общих понятий о линии и треугольнике, но — из созерцания и именно априорного» (конец 3-го тезиса). В противовес этому взгляду приведем здесь авторитетное суждение Вундта. Устанавливая в своей «Логике» математическое понятие о пространстве, он резюмирует свой взгляд таким образом: «Существеннейшее содержание сделанных разъяснений можно соединить в одно положение: пространство есть постоянная, повсюду одинаковая (однородная) и в себе замкнутая (*in sich congruente*) бесконечная величина, в которой неразложимое неделимое определяется тремя направлениями. Возможность вполне определить таким образом понятие пространства чрез общие понятия, продолжает Вундт, — ясно (*unzweideutig*) доказывает, что оно может быть не только созерцаемо, но и мыслимо в понятии (*begrifflich gedacht*). Но так как теперь пространство,

понятие о пространстве входит в сочетание с идеею безусловно-го и от нее заимствует некоторые черты, — например, признак бесконечности). Очевидно, все здесь зависит от точки зрения и от ступени нашего умственного развития. Во всяком же случае тезис Канта состоятельным признан быть не может.

Доселе Кант пытался установить интуитивный характер пространства, отправляясь от его единичности и единства. Теперь, проходя в том же направлении несколько далее, он указывает, для подкрепления своих доводов, новый признак того же порядка — бесконечность пространства. Предшествующий аргумент был построен не такой схеме: «Понятие имеет свойства, которых представление о пространстве не имеет, следовательно, наше знание о пространстве не понятие». Теперь этот (четвертый и последний) строится по такой схеме: «свойства, которые встречаются только у созерцаний, но не у понятий, оказываются в нашем знании о пространстве; следовательно, оно есть созерцание». Четвертый тезис читается так:

«Пространство представляется как бесконечная данная величина. Теперь, правда, каждое понятие должно мыслить как представление, содержащееся в бесконечном множестве различных возможных представлений (в качестве их общего признака) и, следовательно, содержащее их под собою; но никакое понятие, как такое, не может быть мыслимо так, как будто бы оно содержит бесконечное множество представлений в себе. Однако пространство мыслится именно так (ибо все части пространства до бесконечности даны вместе, разом). Следовательно, первоначальное представление о пространстве есть созерцание *a priori*, а не понятие»¹⁶.

Аргументация Канта, несмотря на кажущуюся независимость его отдельных доводов, развивается с замечательной последовательностью и вводит постепенно в предмет все глубже

как такое, поскольку мы его мыслим независимо от единичных пространственных представлений, может быть мыслимо лишь в этой форме, т. е. в форме понятия, то чистое созерцание, образующее предмет геометрии, в сущности есть не созерцание, но понятие, в котором мы отвлекаемся от особенных свойств чувственных представлений, свойственных не всем пространственным предметам» (2-е изд., т. 1, с. 505). Итак, пространство, по Вундту, не только может быть понятием, но, в сущности, и в основе самого созерцания анализ открывает элементы понятия, так что дискурсивные процессы должны быть признаны основными при выработке сложного конструктивного понятия о пространстве. Это, впрочем, не обязывает нас принимать формулу Вундта, сейчас мы увидим, что один из введенных в нее терминов — понятие бесконечной величины — возбуждает возражения.

и глубже. Кант указал уже в предыдущем тезисе на то, что пространство содержит свои части в себе (как всякое созерцание), тогда как понятие лишь под собою, т. е. в своем объеме. Но справедливо полагая, что в той связи его довод не произведет должного действия, он снова обращается к нему и пытается представить вопрос в иной, более убедительной и значительной, форме. Вникнем еще раз, — как бы так говорит он, — в это важное различие между представлением (созерцанием) и понятием и мы откроем новый и весьма важный признак. Окажется, что пространство не только есть созерцание, но созерцание бесконечного, — некоторой бесконечной данной величины. Бесконечность пространства дана. Это факт. Его доказывать не нужно, как и всякий другой факт; но необходимо его индивидуализировать, уединить, выделить из ряда других фактов. К этому и ведет сопоставление созерцания с понятием. Что говорит это сравнение? В понятии, именно в его объеме, хотя тоже дана бесконечность, но лишь в возможности, — как возможность бесконечного числа экземпляров того же рода. В представлении же пространства бесконечность, по Канту, осуществлена уже как действительность, как реальная и притом наглядно созерцаемая в воображении в каждый данный момент и вся разом совокупность или сумма бесконечных частей, бесконечных частных пространств. В созерцании пространства бесконечность дана, чего ни о каком понятии сказать нельзя; следовательно, пространство есть чистое созерцание, а не понятие. Файгингер выражает этот аргумент Канта в форме следующего силлогизма (первый модус второй аристотелевской фигуры — Cesare):

Большая посылка:

Никакое понятие не имеет в себе бесконечного множества представлений.

Меньшая посылка:

Пространство имеет в себе бесконечное множество представлений.

Заключение:

Следовательно, пространство не есть понятие.

Таково зерно аргументации Канта. Если бесконечность пространства действительно, как утверждает Кант, дана, то этот факт должно засвидетельствовать для нас наше сознание и никакие доказательства и силлогизмы к его, заверяемой нашим сознанием, достоверности прибавить ничего не могут (они могут только индивидуализировать и уяснить его). Но что говорит нам по данному вопросу наше сознание? Заверяет ли оно факт

существования пространства, как именно бесконечной данной величины? Отнюдь нет. Оно говорит о чем-то ином и даже совершенно противоположном. Именно, оно говорит, что в каждый данный момент мы представляем лишь конечную сферу пространства, границы которой определяются наличным материалом ощущения, — подобно тому, например, как я вижу, когда смотрю вверх, пространство, ограниченное лазурью небесного свода. Таким образом, именно как данная величина пространство всегда конечно. Правда, я могу безостановочно раздвигать границы этого созерцаемого мною в воображении пространства; но этим путем я могу достигнуть лишь до отрицательного понятия о пространстве как о чем-то для меня незавершенном, — именно могу понять, что во мне нет препятствий для постоянного мысленного расширения пространства. Присоединяя это понятие как дополнительный признак к наглядному представлению конечного данного пространства, мы получаем некоторую концепцию бесконечного пространства, которое, однако, как и всякая бесконечность, является чисто потенциальностью, т. е. содержит в себе бесконечное множество частичных пространств лишь в возможности, — точно так же, как понятие бесконечного ряда содержит в себе бесконечность возможных или потенциальных членов; понятие бесконечного числа — бесконечную сумму единиц, из которых, однако, лишь некоторая, всегда конечная часть, актуально вступает в сознание, другая же находится в нем лишь потенциально, т. е. как возможность подстановки новых членов к данной конечной сумме*. Ясно, что и бесконечность пространства (т. е. бесконечность в понятии, а не в созерцании) отнюдь не есть бесконечность данная. В самом деле, известно, что математики считают понятие бесконечности лишь символом («бесконечное число есть большее

* Но даже и эта потенциальная бесконечность возможна лишь в субъективном пространстве, где действительно ничто, кроме разве по-мрачения рассудка, не препятствует поступательной работе нашей мысли, направленной на расширение границ пространства. Но раз мы вступаем в область реального мира, то этому произволу нашему полагается (или может быть положен) предел. Известно, что многие выдающиеся мыслители различных эпох и направлений, от Аристотеля до Гартмана, учили об ограниченности мирового пространства (оно есть форма бытия ограниченных вещей, в которых и находит свою границу). Свод доказательств ограниченности мирового пространства см. в недавней превосходной статье Б. Н. Чичерина¹⁷ (Вопросы философии и психологии. Кн. 26: «Пространство и время»).

или меньшее всякого данного числа»). Философы же идут еще дальше. Со времен Локка они настойчиво указывают, что понятие бесконечного числа (ряда и пр.) есть самопротиворечивая фикция («сосчитанная бесчисленность», «определенная беспредельность», «безграничная ограниченность» и т. д.), и указывают психологический источник этой фикции. Именно, по их разъяснениям, фикция эта возникает таким образом. Когда нам дано какое-либо число, мы ясно сознаем, что к этому числу, как бы велико оно ни было, мы можем прибавить еще единицу, т. е. счисление никогда не может быть закончено. Это отрицательное понятие незаконченности счисления мы переносим с психологического процесса на его результат — число, незаметно превращая отрицательное понятие «незаконченности» в положительное «бесконечности». Таким образом, рядом подтасовок мы получаем фикцию, с которой затем, забывая об ее источнике, оперируем, как с ясным понятием. Воображение овладевает этим фиктивным понятием бесконечного числа и, поставляя его в связь с идеею протяжения или пространственной непрерывности, силится вообразить бесконечное пространство, причем за каждую данную протяженностью или мерою пространства ставит новое пространство и, таким образом, приходит к постановке «ложной», т. е. неосуществленной и неосуществимой бесконечности. Испытывая в этих усилиях своих постоянную и коренную неудачу, мы убеждаемся в неразумии наших усилий и в нелепости самой задачи*.

* В учении о пространстве как бесконечной величине Кант примыкает к Ньютону, под влиянием которого он стоял одно время (именно во второй период своего развития, — см. об этом у А. А. Козлова: Свое Слово. № 4. С. 116—117), но ухудшает его учение. Именно, тогда как Ньютон признавал абсолютное пространство как понятие (абсолютное пространство, по Ньютону, «есть «постулат понятия движения», априорное предположение механики), Кант признал пространство бесконечною величиною, данною в созерцании. Вот сущность рассуждений Ньютона по этому вопросу:

а) Движение не может быть определено со стороны своего направления, если мы не примем некоторой неподвижной точки, относительно которой другую можно рассматривать как движущуюся. И так как такую неподвижную точкую может быть любая точка пространства, то все пространство неподвижно. Неподвижность или неизменная пребываемость в себе — вот, следовательно, первое определение пространства, взятого в смысле абсолютном.

б) Во-вторых, математические законы движения могут быть установлены лишь в том случае, если мы предположим, что среда движения, т. е. пространство, само по себе не может изменять фор-

Итак, тот факт, в котором сосредоточена вся доказательная сила четвертого кантовского тезиса (непосредственная данность пространства как бесконечной величины), оказывается фактом призрачным. Само собою понятно, что вследствие этого и заключение тезиса («следовательно... не понятие») падает. Его не спасает от этой судьбы и вводимое Кантом ограничение («первоначальное представление», т. е. не позднейшее наше знание о пространстве, которое может быть и понятием, как например, у философов, математиков и пр., а первоначальное, всем людям присущее, бессознательно заложенное в их духе, — ср. у Файгингера, II, 243): свойство первоначального представления, связанного с фактом, должно быть сохраняться и на позднейших ступенях развития, чего, однако, мы не видим. Притом это ограничение не обличает ли в Канте некоторую неуверенность в своем тезисе, колебание? В конце аргументации читатель склонен ожидать чего-либо решительного, определенного и общего. И вдруг он встречает какую-то робкую оговорку, которая возвращает его к самому началу аргументации: невольно закрадывается подозрение, что дело здесь обстоит не вполне благополучно...

мы движения (т. е. не может ни замедлять его, ни ускорять), — если, говоря иначе, признаем закон инерции. Таким образом, однородность пространства — вот второй постулат понятности движения.

в) Наконец, в-третьих, так как пространство неподвижно, то оно не может иметь границ: ведь границы, как бы мы ни мыслили их постановку, вносили бы в пространство подвижность, — их можно было бы отнести ближе и дальше, т. е. раздвинуть или сузить пространство (что противоречило бы первому тезису). Сверх того, ограничение пространства противоречит самому понятию о нем: ведь оно должно служить для всего вместилищем, налагать на все свои границы, — что же наложит границы на него самого и как оно, по наложении этих границ, могло бы служить для всего вместилищем?

Итак, — заключал Ньютон, — пространство неподвижно, однородно или неизменно и безгранично. Оно поэтому может быть названо абсолютным. См.: *Риль*. Философский критицизм (*Der philosophischer Kriticismus*. II, 1, изложение взглядов Ньютона. С. 89 и сл.; критика понятия бесконечности — 182 и сл.; ср. у А. А. Козлова: *Свое слово*. № 4. С. 15—17). Кант заменил это понятие об абсолютном пространстве учением о его данности в созерцании, и это, — повторяем, — следует рассматривать как решительное ухудшение теории Ньютона...

3. СУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА

Кант столь настойчиво доказывает первоначальность (априорность) и созерцательный характер (интуитивность) пространства потому, что с этими тезисами он ставит в связь очень важный вывод, — учение о субъективности пространства, т. е. о том, что объективно, в действительности, в бытии ему ровно ничего не соответствует, или, говоря технически, что наше представление о пространстве не имеет никакого объективного кореллята*. Это весьма важное для всей кантовской системы

* Параграф 3-й, в котором развит только что указанный тезис, содержит, кроме него, много и других частных мыслей, которые притом связаны между собою иногда довольно слабою связью (вследствие чего, наприм., Файгингер в своем «Комментарии» исследует состав этого параграфа по «абзацам», как бы не находя возможным его систематизировать). Но, если вдуматься в содержание параграфа и анализировать все его частные мысли, то окажется, что все они тяготеют к одному, указанному в тексте, тезису. Мы не будем останавливаться на этом анализе (это было бы слишком долго и утомительно) и остановимся лишь на одной мысли — на связи «Тр<ансцендентальной> эстетики» (учения о пространстве собственно) с геометрией, так как эта мысль до некоторой степени стоит особняком (настолько особняком, что, по нашему мнению, ее следовало бы отнести из «трансцендентального изложения» в метафизическое — в качестве пятого тезиса, присоединив к нему конец третьего) и притом в общей связи мыслей Канта представляет особенную важность. Именно, Кант хочет обосновать свое, изложенное и разобранное нами выше учение о первоначальности и созерцательном характере пространства на геометрии, которую все признают за нечто прочное и бесспорное. Существуют геометрические аксиомы, — так рассуждает Кант, — которые всеми признаются за непреложные истины; как мы должны мыслить пространство, чтобы понять возможность этих аксиом? Вот вопрос. Не иначе, отвечает Кант, как именно так, как это учение было изложено выше. В самом деле, геометрия есть наука, «определяющая свойства пространства синтетически и, однако, а priori». Чтобы возможны были синтетические определения свойств пространства, оно должно быть по своему происхождению созерцанием (наглядным представлением), ибо «из понятия нельзя вывести никаких положений, которые бы вели дальше этого понятия, что именно, однако, и совершается в геометрии». Чтобы геометрия могла устанавливать свои определения а priori (а только в таком случае геометрические аксиомы могут притязать на аподиктичность, т. е. могут сопровождаться сознанием их необходимости, как, наприм., положение, что пространство имеет три измерения), представление пространства также должно быть априорным, т. е. должно предва-

учение и изложено в конце первого отдела «Трансцендентальной эстетики». В этом учении два главных момента: а) пространство есть «формальное свойство субъекта», — именно,

рвать всякое восприятие конкретных предметов и следовательно — чистым, не эмпирическим созерцанием (ибо ничто необходимое, аподиктическое — аксиомы геометрии и заложенное в их основании представление пространства — не может происходить и быть выведено из опыта, всегда ограниченного и условного). Но такими именно чертами, т. е. интуитивностью и априорностью, и характеризует, как мы знаем, пространство Кант. Следовательно, — как бы так рассуждает он, — мое учение о пространстве санкционировано со стороны самой надежной из всех наук, — со стороны геометрии.

Только что изложенная аргументация Канта настолько солидна, что, без сомнения, она одна, без всяких других разъяснений и доводов, когда бы сообщить устойчивость его учению о пространстве, если бы она сама выдерживала критику. Но, к сожалению, этого сказать далеко нельзя: обе составные мысли изложенного аргумента слабы. Во-первых, синтетичность геометрических теорем и аксиом не только не требует необходимо (как то думает Кант) интуитивности представления о пространстве, но на конкретном созерцании пространства даже и обоснована быть не может. Во-вторых, для аподиктичности (всеобще необходимой достоверности) геометрических истин отнюдь не достаточно их априорности (независимости от опыта), но необходима еще апостериорная проверка (при помощи вспомогательных эмпирических построений).

1. Несостоятельность первой половины аргумента всесторонне и вполне убедительно выяснена в замечательном труде проф. М. И. Каринского «Об истинах самоочевидных» (Вып. 1. СПб., 1893. § 4—8. С. 16—44). Мы с своей стороны, за исключением некоторых частных, совершенно присоединяемся, по этому вопросу, ко взглядам нашего почтенного и глубокомысленного критика и отсылаем читателя к указанному его сочинению. Здесь же ограничимся лишь указанием главных возражений, которые он ставит кенигсбергскому философу. Мысли первой половины аргумента Канта почтенный критик выясняет так: «Для убеждения в таких суждениях, в которых сказуемое не повторяет только того, что неявно мыслится уже в подлежащем, а привносит нечто новое, необходимо иметь что-либо вне этих понятий, что оправдывало бы то соединение между ними, которое устанавливается суждением; но при математических суждениях, так же как и при опытных — это нечто может быть только определенным созерцанием, т. е. конкретным представлением», каково и есть, по Канту, наше знание о пространстве (с. 20, *passim*). Такова мысль Канта. Но, во-первых, — возражает критик, — созерцанием, которое всегда, по самому существу дела, есть конкретный частный случай, а потому и основанием может служить только для частного суждения, всеобщей и необходимой истины оправдать нельзя (с. 24): всеобщее и необхо-

«форма внешнего чувства» или «субъективное условие чувственности»; б) пространство есть только субъективная форма чувственности или нашей чувственной восприимчивости, толь-

димое получается в содержании мысли лишь по отвлечении всего конкретного и случайного, т. е. в понятии, а не в созерцании, что сознает и сам философ, когда в другом месте своей «Критики» указывает на «конструкцию понятий», как на основание математики. Во-вторых, именно вследствие этого безусловная всеобщность геометрических положений, которую хочет объяснить и обосновать Кантова теория созерцательной очевидности геометрических определений пространства, оказывается «простою фикцией» (36). В самом деле, чтобы оправдать ее (эту всеобщность), Канту необходимо было доказать (что, однако, он хотя и предполагает, но не доказывает), что созерцаемое нами пространство тождественно с пространством вообще и что, следовательно, пространство вообще (не нами только, но вообще, кем бы то ни было, каким бы то ни было другим существом созерцаемое пространство) должно иметь все те свойства и законы, которые мы открываем в своем созерцании свойств пространства, так чтобы аксиомы нашей геометрии имели действительно всеобщую обязательность. Но как мог Кант выполнить это доказательство? Он мог выполнить его только одним путем — указанием на невозможность иного пространства, кроме нашего, т. е. пространства с иными свойствами сравнительно с теми, которые устанавливает Евклидова геометрия (такое пространство, — пространство так называемых «энных» измерений, как известно, и признавали математики: Лобачевский¹⁸, Риман¹⁹, Гельмгольц²⁰ и др.). Но именно для Канта, при его теории созерцательной очевидности геометрических аксиом, невозможна была ссылка на немыслимость пространственных построений, противоречащих познаваемым нами в созерцании законам пространства, так как эти законы признаются у него не аналитическими (а синтетическими, как данные в созерцании) и, следовательно, отрицание сказуемого в суждении, выражающем закон, никогда не может дать противоречия. Таким образом, возможность пространства с иными измерениями и свойствами не исключена у Канта и безусловная всеобщность геометрических аксиом не только не доказана, но на почве его философии и доказана быть не может (33—37). Вследствие этого Кант, в прямое противоречие с самим собою, в других отделах «Критики» указывает, как на последнее основание математического знания, уже не на созерцание свойств пространства, а на синтезирующую деятельность рассудка (43).

2. Перейдем ко второму моменту в аргументе Канта — к его попытке обосновать аподиктичность геометрических аксиом на априорности созерцания пространства. Мы назвали выше такое обоснование недостаточным, и действительно, убеждение в этой недостаточности выражает невольно всякий, кто стремится геометрию воображения проверить геометрию восприятия (т. е. априорные геометрические положения их апостериорным построением, —

ко форма субъективных явлений знания, но никак не предметов самих по себе, в их независимом от нас существовании. Рассмотрим каждый из этих двух моментов тезиса в отдельности.

их реализацией в опыте). Правда, это требование для математических истин опытной проверки иногда переходит границы и становится просто забавным (припомним легендарного немецкого аптекаря, который, для убеждения в истинности известной теоремы Пифагора о равенстве квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов, взвешивал вырезанные из бумаги квадратики гипотенузы и катетов!) Но все же только убеждение в соответствии субъективных математических законов с объективными (о чем мы узнаем из опыта, который в данном отношении никогда не представляет исключений, т. е. случаев несовпадения нашей субъективной геометрии с законами геометрических отношений между реальными, находящимися в реальном пространстве, предметами), — только это убеждение сообщает построениям геометрии аподиктичность. Гартман в своем цитированном выше сочинении «*Kritische Grundlegung des Transc. Realismus*» (S. 131—132) разъясняет это взаимоотношение двух моментов, априорного и апостериорного, в процессе убеждения в истинности геометрических положений на одном, хорошо подобранном, примере. Пусть мне показывают последовательно один за другим (но каждый раз непременно лишь один) углы какой-то начерченной на бумаге фигуры, которой я не вижу в целом и которая мне совсем не известна. Я изучаю эти части фигуры эмпирически: насчитываю их три, измеряю и нахожу, что их сумма равняется 180° или двум прямым. Отсюда я заключаю, что стороны этой, в целом невидимой для меня фигуры, должны образовывать треугольник. Открываю фигуру и убеждаюсь, путем прямого и непосредственного восприятия, что фигура действительно есть треугольник и что, следовательно, мое заключение, равно как и предложение, на котором оно основано (теорема), оправдываются эмпирически. Такое согласие, очевидно, возможно лишь под тем условием, если отношения между элементами треугольника, данными в восприятии, и элементами, построиваемыми в мысли, аналогичны и правильны, т. е. постоянны, — если, говоря вообще, — законы субъективной геометрии управляют отношениями объективных предметов, если субъективные (мыслимые) и объективные (воспринимаемые, открывающиеся в восприятии) законы суть аналогичные формы или модификации одних и тех же законов сущего (131—132). Таким образом, поставленная Кантом цель, т. е. объяснение и оправдание аподиктичности геометрических истин, как видим, требовала большего, сравнительно с тем, что находим у Канта. Он считал правильною свою теорию субъективного пространства единственно потому, что и геометрии, может быть незаметно для самого себя, придавал лишь субъективное значение. Геометрические истины могут быть оправданы в своем достоинстве реальных истин, выражающих действительные отношения вещей, единственно при допущении реального пространства как

а. Пространство, по Канту, изначально, или априорно. Но мы видели выше, что «метафизическое изложение» учения о пространстве (приведенные и разобранные нами выше четыре тезиса) не дают окончательного, категорически ясного ответа на вопрос о том, как же, в конце концов, мы должны, по Канту, мыслить пространство с субъективной стороны? Этот вопрос, в окончательной форме, Кант ставит и решает в «трансцендентальном изложении» учения о пространстве. Именно, Кант здесь спрашивает: «Каким образом внешнее созерцание может находиться в душе, предшествуя самым предметам, и притом так, что понятие о последних в нем может быть определено а priori?» — «Очевидно, не иначе, — отвечает он на этот вопрос, — как в том случае, если оно (внешнее созерцание) заложено в субъекте как формальное свойство его быть аффицируемым предметами и чрез это получать об них непосредственное представление, т. е. созерцание, — следовательно, только как форма внешнего чувства вообще», «как субъективное условие чувственности, при котором только внешнее созерцание для нас и возможно. Но так как теперь рецептивность (восприимчивость субъекта, его свойство быть аффицируемым предметами) необходимо предшествует всем конкретным созерцаниям этих предметов, то легко понять, как форма всех явлений может быть дана в нашей душе прежде всех действительных восприятий, следовательно, априори и как может она, будучи чистым созерцанием, в котором должны быть определяемы все предметы, до всякого опыта содержат принципы их отношений» *²¹.

коррелята нашего субъективного, чем бы этот коррелят ни был. Если же мы не признаем реального пространства, то геометрические законы получают лишь субъективное значение и вся математика (геометрия) превратится в бесплодную игру представлений и отношений, которым ничто не соответствует в действительности.

Таким образом, привлечение Кантом, для поддержки своего учения о пространстве, геометрии, как видим, цели своей решительно не достигает: ни синтетичность геометрических определений на интуитивности пространства, ни их аподиктичность — на его априорности обоснованы быть не могут.

* *Adickes*. 76—77, — третий абзац из «*Transec. Erorterung*» и второй (6) «*Schlusse*» вместе (с пропусками). В обеих этих выдержках мы намеренно выпускаем слова подлинника «*bloss*», «*nur*» — «только формальное свойство», «только форма явлений» и т. д., — чтобы, таким образом, раздольнее представить оба момента кантовской аргументации. Об этом «только» дальше.

Итак, априорное и интуитивное представление (или созерцание) пространства, на котором так настаивал Кант в своих «тезисах», превращается в «форму внешнего чувства», в простую внешнюю рецептивность, т. е. в способность воспринимать внешние возбуждения, в восприимлющую силу! При всем своем уважении к Канту и при всей своей сдержанности в отношении к нему Файгингер не мог не отметить неожиданности этого превращения. «Оба эти определения: “форма” и “внешнее чувство”, — говорит Файгингер, — суть нечто новое, появляющееся совершенно неожиданно, нечто такое, что мы можем принять только потому, что нас заставляют врасплох, а вовсе не потому, чтобы нас в этом убедили. В один миг (Im Handumdrehen) априорное созерцание превращается в априорную форму рецептивности, между тем как предпосылок для этих названий: “форма”, “внешнее чувство” «вовсе не дано...» * Но оставим эту неожиданность в обороте мыслей Канта и обратим внимание на тот смысл, который он соединяет с этими терминами, — выясним, как он понимает термин: «форма внешнего чувства».

Немногие термины Канта, без сомнения, подвергались такому перетолкованию, как его термин «форма». Коген, посвятивший в своем исследовании Кантовой теории опыта особую главу его учению о пространстве как форме внешнего чувства, и вообще, во всем сочинении своем относящийся к этому вопросу с особенным вниманием и тщательностью **, находит, что кантовская «форма», не будучи ни органом, ни силою, ни каким-то готовым пассивным приемником идущих отвне впечатлений (чем-то в роде пустого сосуда), ни готовым (т. е. наполненным содержанием) конкретным созерцанием, ни многим другим, за что ее так часто неправильно принимали, — в сущности есть не что иное, как «возможность», в смысле этого термина, близком к лейбнице-аристотелевскому (хотя и не тождественном). «Формой, — говорит он, — Кант называет “то, благодаря чему мно-

* С. 326. — Ср., однако, ограничение этого отзыва самим Файгингером, на стр. 272—273, где он стремится отчасти (для данного места, а не для всего учения Канта о пространстве) оправдать этот переход указанием на отношение априорного созерцания к математике чистой, а формы созерцания или внешнего чувства — к прикладной.

** Вследствие этого его, раньше цитированное сочинение, в отношении к нашему частному вопросу (о пространстве как форме внешнего чувства), может быть рекомендовано предпочтительно в сравнении с комментарием Файгингера, несмотря на то, что этот последний далеко превосходит сочинение Канта по объему.

гообразии явлений может быть упорядочено” (слова Канта). Следует обратить внимание, — дополняет комментатор, приводя эти слова Канта, — на способ выражения. Кант не говорит: то, что упорядочивает многообразное; но: благодаря чему оно может быть упорядочено. Итак, возможность, чтобы то многообразное, тот многообразный материал, который единственно доставляется нам ощущениями, созерцался нами в явлении, как упорядоченный, — эта возможность, это потенциальное отношение и называется у Канта формой» (42). С этой точки зрения Кантова «форма внешнего чувства» является уже не столько формой в собственном смысле (ибо, по очень меткому и удачному выражению трудно уловимой мысли Канта, профессором Каринским, форма с этой точки зрения представляла бы лишь «чистую, направленную вовне, чуждую всякой определенности, созерцательность», с. 42), сколько — психологический процесс синтеза многообразных элементов пространственной созерцательности, элементов, которые рассудку доставляет наша воспринимающая сила (рецептивность). Кант высказывает совершенно определенно и последовательно проводит (везде почти, кроме «Трансцендентальной эстетики»), что только рассудочный синтез дает представление пространства как нечто определенное, так что без этого синтеза пространство есть нечто просто невообразимое, — *Nirngespinst* *. Проф. Каринский совершенно справедливо думает, что, если бы Кант провел со всею последовательностью только что намеченную мысль, то получилась бы «величественная концепция», по которой пространство, его, так сказать, «логический скелет» оказался бы сотканным или, точнее, творчески порожденным синтетической деятельностью рассудка, результатом применения синтетизирующих форм рассудка к неопределенным формам созерцательности (с. 41—44). К этому можно прибавить, что, даже и в неопределенной форме намек, мысль Канта о творческом, рассудочно-синтетическом построении пространства из элементов неопределенной созерцательности или рецептивности, оказалась могучим стимулом, направлявшим философские изыскания в области нашего вопроса, и как бы предвосхищением результатов кропотливых современных психофизиологических исследований, — особенно в области вопроса о психологическом генезисе представления о пространстве (мысль об образовании нашего представления о пространстве синтетическим путем из апостериорных элементов, но по априорному закону или схеме глубоко заложена

* Ср.: *Коген*. Указ. соч. С. 101, 141, 153, 161, 208—209, 211.

в современной психологии, ср. у Вундта, Рилья, Ланге²² и др.). Все это так. Но не следует забывать, что этот взгляд Канта на форму, как процесс синтеза, плохо вяжется с его «Трансцендентальной эстетикой», в которой философ усиливается охарактеризовать представление пространства как что-то изначально данное в готовой форме. Ясно, что учение о пространстве, как оно изложено в названном отделе «Критики», должно быть признано несостоятельным не только потому, что оно не удовлетворяло критиков Канта, но и потому, что, по-видимому, оно не удовлетворяло и самого философа, когда он стал в вопросе на иную высшую точку зрения.

б. К сожалению, в своей «Трансцендентальной эстетике» Кант не только не отрешился от неправильного взгляда на психологическую природу представления о пространстве, — от взгляда, по которому это представление оказывалось изначально данным в душе в готовой форме, т. е. врожденным в строгом и собственном смысле этого последнего термина, — но не уберегся и от того, конечно, естественного и близкого, но зато совершенно ложного вывода, к которому приводил этот неправильный, чисто догматический взгляд на природу представления о пространстве и его генезисе. Если пространство дано в готовой форме, так что для объяснения его генезиса нет надобности обращаться к предположению его объективного коррелята, выражением которого служило бы наше представление о пространстве, то не следует ли отбросить всякую мысль об объективности пространства, как совершенно излишнюю, и успокоиться на чистой субъективности пространства? Повторяем, эта ошибка была близка и Кант не уберегся от нее. Определяя пространство как «форму внешнего чувства», он добавил маленькое словечко: «только», которое сообщило всей его мысли совершенно определенный субъективистический характер. «Пространство есть форма явлений внешнего чувства, субъективное условие чувственности, внешнего созерцания» — только и больше ничего. Критика всегда и, без сомнения, совершенно основательно восставала против законности этого «только»: в самом деле, из того, что представление пространства находится в нас, разве следует, что вне нас, в самой действительности не может находиться ничего ему соответствующего? Формально-логическая незаконность этого вывода совершенно очевидна*. Какие же,

* Этот вопрос исчерпан в сочинении В. Д. Кудрявцева, который, вслед за Тренделенбургом, видит в указанной ошибке главную ошибку «Тр<ансцендентальной> эстетики».

однако, мотивы побудили Канта выставить свой тезис, вопреки столь очевидной его формально-логической необоснованности? Какие мотивы и соображения расположили его дать своей мысли столь решительный наклон к субъективизму, который не обоснован его первым тезисом? Мотивы эти у Канта были, и он их определенно указывает, и нам необходимо их здесь взвесить. Во-первых, рассуждает Кант, пространство не может быть свойством или определением вещей, ибо свойство не может быть созерцаемо до и независимо от созерцания вещей, что, однако, имеет, по Канту, место в созерцании пространства. Конечно, вывод (субъективность пространства — что оно не выражает подлинных свойств и определений вещей или самой действительности) был бы верен, если бы была верна посылка (т. е. что мы созерцаем пространство до, прежде и независимо от созерцания вещей). Но посылка, как мы пытались показать и доказать выше, неверна психологически. Далее, рассуждает Кант, если пространство есть продукт нашей специально-человеческой созерцательности, форма нашего внешнего чувства; если при этом «мы решительно не можем судить о созерцаниях других мыслящих существ, связаны ли они теми же условиями, какие ограничивают наши созерцания и для нас имеют всеобщее значение», то, значит, что «только с точки зрения человеческой мы можем говорить о пространстве, о протяженных существах и т. д.». Таким образом, пространство существует, по Канту, только для нас и (как совершенно в духе Канта дополняют позднейшие новокантианцы) для других, подобно нам организованных существ. Без сомнения, если наша или подобная нашей чувственная созерцательность есть необходимое условие представления о пространстве. Но что же отсюда следует? Отсюда могут быть, конечно, извлекаемы различные и, может быть, даже важные выводы (например, что, сложив чувственную оболочку, мы не будем уже представлять пространство и мир как величину экстенсивную и нам внешнюю, но будем проникать его изнутри), но никак не следует вывод о субъективности пространства: объем суждения определяется подлежащим и мы можем, на основании только что приведенных соображений, сказать, что только люди (и притом лишь пока они носят телесную оболочку) и другие, обладающие подобной им организацией, существа воспринимают пространство как величину экстенсивную, но никак не то, что будто бы пространство вообще не существует, как величина экстенсивная, — не имеет реального или объективного значения. Наконец, — последнее соображение Канта, — так как пространство существует или дано

лишь для нашей чувственности, но не для разума, т. е. «представление о пространстве ничего не будет значить, как скоро мы устраним субъективное условие, при котором единственно может быть приобретено нами внешнее созерцание, как скоро устраним тот способ, как мы испытываем на себе действие внешних предметов» (наприм<ер>, «протяженность приписывается вещам только в той мере, в какой они являются, нам т. е. как предметам чувственности»), то мы можем сказать только, что пространство «обнимает все предметы, которые могут являться нам со вне, внешним образом», но — не вещи сами в себе (т. е. как они мыслятся нашим разумом); что положение, по которому все вещи находятся в пространстве рядом друг с другом, имеет силу и значение только при том ограничении, если вещи принимаются как предметы нашего чувственного созерцания, как «внешние явления», так что, хотя пространству и может быть усвояема эмпирическая реальность, однако в то же время за ним должна быть признана трансцендентальная идеальность*. Таково последнее соображение Канта в пользу субъ-

* Это важное положение Кантовой философии, вследствие крайней искусственности в формулировке, не раз давало повод к перетолкованиям и вообще представляет трудности для понимания. Ввиду этого мы позволим себе здесь привести, в сокращенном извлечении, объяснение Файгингера к этому месту. — «В эмпирическом отношении, — пишет Файгингер, — пространство, по Канту, “объективно реально”, потому что его можно прилагать или относить ко всем эмпирическим предметам; потому что эти предметы необходимо соответствуют ему и его отношениям; потому что без него они даже суть ничто и совсем бы не существовали» (349). Но это особый вид реальности. В самом деле, «можно сказать, что Кант ввел здесь новое понятие реальности, — понятие относительной реальности в противоположность абсолютной: от последней он отказывается, чтобы тем вернее сохранить для нас первую. Соответственно этому Кантом устанавливается и новое понятие об истине, — понятие истины относительной. По аналогии с Коперниковой системой это можно выразить так: подобно тому, как для нас, как для воспринимающих существ, земля покоится, а солнце движется, точно так же и пространство для нас, как для воспринимающих существ, реально вместе, со всем своим содержанием», хотя эта реальность и истинность относительны. Для выяснения этой относительности Файгингер пользуется сравнением Лотце²³: как события действительно совершаются, хотя и не существуют; как свет действительно светит, хотя не существует помимо чувства, которое его ощущает: совершенно таким же образом и пространство имеет действительность, хотя и не существует, а только является (350). Итак, выражение Канта: «эмпирическая реальность простран-

ективности пространства. И опять, и в этом соображении, взята совершенно верная точка отправления: для внешнего чувства и для разума один и тот же внешний предмет может быть дан совершенно различным способом (разум может взять и рассмат-

ства» имеет довольно определенный смысл. Труднее установить подлинный смысл другого технического выражения: «трансцендентальная идеальность пространства», как потому, что здесь оба термина нуждаются в разъяснении, так и потому, что первый употребляется у Канта в весьма разнообразных значениях. Что касается термина «идеальность», то очевидно, что он употребляется здесь в совершенно том же смысле, как выражение: «существующий только в нашем представлении». Трансцендентальной же эта идеальность называется в противоположность эмпирической реальности: эта последняя приписывается пространству потому, что оно имеет значение для всех предметов опыта; в соответствии с этим тр. идеальность усваивается ему, очевидно, потому, что оно не имеет значения для вещей трансцендентных (не подпадающих и не могущих подпадать опыту), для всей сферы трансцендентного, которое противопоставляется эмпирическому, как абсолютное отношению, действительность — явлению или простому представлению, продукту воображения. Впрочем, термин «трансцендентальный» имеет у Канта два смысла: 1) иногда он означает, как только что разъяснено в применении к пространству, — относящийся к предметам, как они существуют сами по себе, вне отношения к нашей чувственности; 2) иногда же он означает то же, что априорный, т. е. лежащий по сю сторону опыта, не происходящий из него, но в то же время обуславливающий опыт. Обыкновенно Кант колеблется между обоими этими смыслами, но снесение параллелей приводит Файгингера (и основательно) к выводу, что первоначальный и подлинный смысл термина, в каком именно он употреблен в нашем месте, — первый и, только «благодаря беспечности и небрежности Канта в отношении к своей терминологии» (353), этот первоначальный смысл термина был им забыт и в параллельных местах был превращаем или неопределенно сливаем со вторым. Таким образом, смысл толкуемого нами выражения Канта таков: представление пространства, в применении к предметам, как они существуют сами по себе, есть чистая идея, которой ничто не соответствует, чистое «ничто», так что трансцендентальное употребление этого представления совершенно незаконно; тогда как, напротив, в приложении к явлениям это представление совершенно реально и эмпирическое употребление его совершенно законно. Говоря иначе, предметы, поскольку они суть объекты чувственности, пространственны; но как объекты разума внепространственны (351—355, *passim*). О многомысленности и эластичности термина трансцендентальный у Канта см. краткое, но ясное и определенное примечание у Адикеса на с. 59. Ср. также его прим. к нашему месту, с. 78.

ривать какой-либо внешний предмет, наприм. дерево, с такой стороны и в таких моментах его существования, что его пространственные свойства отступят на второй план, — напри-м<ер>, со стороны осуществленной им идеи, со стороны его внутреннего органического принципа); но тем не менее общий вывод Канта совершенно ошибочен. В самом деле, из того, что мы можем смотреть на предмет с иной высшей точки зрения, а не с той, с которой они являются нам именно как внешние, следует ли, что как внешние, пространственные, они реально вовсе не существуют?

При ознакомлении с кантовским Противоположением трансцендентальной идеальности пространства его эмпирической реальности невольно возникает вопрос: не есть ли тезис Канта в сущности простое обобщение и перенесение на пространство ходячих взглядов на чувственные восприятия или ощущения? В самом деле, ведь и ощущениями мы усвоаем реальность в нашем опыте (реальность эмпирическую) и рассматриваем их как что-то идеальное в отношении к самим предметам, в них вовсе не существующее. Эта параллель действительно напрашивается, и сам Кант, предвидя возможность этого вопроса, пишет для разъяснения его особое заключительное замечание (два последние абзаца третьего параграфа), в котором, по его собственным словам, хочет «предостеречь, чтобы не пришло кому на мысль разъяснять указанную (трансцендентальную) идеальность пространства далеко не подходящими примерами», каковы цвета, вкус и пр. Недостаточность этих примеров для разъяснения тезиса Канта, по его мысли (как она выражена в различных редакциях этого, очевидно, с большим трудом и колебаниями формулированного им замечания)*, открывается

* Редакция предпоследнего абзаца 3-го §²⁴ в первом и втором изданиях различается между собою не только по форме выражения, но и по смыслу. В первом издании Кант стоит на почве локковского различения первичных и вторичных свойств предметов и пространство относит к свойствам первичным. Вкус вина, цвет розы, рассуждает он здесь, суть не свойства тел, но выражение свойств и особенностей ощущающего субъекта: для объектов эти свойства не необходимы и различаются смотря по различию индивидуумов. Но что же для предметов необходимо, что составляет неотделимую от них их существенную основу? Пространственность. Но только ли пространственность? Конечно нет: непроницаемость, твердость, вес, словом, вся их материальность, — все это для них, для их бытия, необходимо и существенно и только при этих условиях они становятся объектами внешних чувств. Роза для эмпирического рассудка есть не просто пространственная фигура или образ, но —

с двух сторон: с одной стороны, в ощущениях дано меньше, чем в созерцании пространства, с другой — больше. Меньше: ибо ощущения вкусов, запахов, цветов, тонов, и пр. совсем субъек-

физически наполненное пространство. Вот почему Кант в первом издании указывает только на ощущения вкуса и цвета (т. е. на ощущения вкусовые и зрительные). Очевидно, этими, приведенными для примера, ощущениями он хочет выдержать различие между первичными и вторичными свойствами: вкус, цвет и им подобные ощущения, как-то: звук, теплоту, он относит к субъективной стороне предметов (свойства вторичные), а ощущения непроницаемости, твердости и пр. (вообще все осязательные) к объективной. Таков смысл замечания по первому изданию. Но очевидно, усвоив в нем локковскую теорию, Кант попал с нею в двусмысленное положение. В самом деле, став на эту почву, он должен был признавать в объектах нечто реальное в собственном и строгом смысле, например колебание эфира или световых волн как реальный процесс (что он действительно и признает: «цвета суть видоизменения чувства зрения, возбуждаемого светом», т. е. колебаниями действительно существующих материальных частиц): первичные свойства аффицируют наши чувства и чрез это, рядом с истинными ощущениями первичных свойств, в нас возникают неистинные, чисто субъективные ощущения свойств вторичных. Итак, признавая первичные свойства как истинное выражение реальных вещей и процессов, мы тем самым должны признавать и реальность, нам внешнюю в собственном смысле. Но ведь все внешние предметы, по Канту, суть явления (а не реальность). Таким образом, предметы и их первичные свойства получают у Канта какое-то странное, промежуточное положение между неизвестною нам действительностью (вещью в себе) и чисто субъективными (вторичными) свойствами явлений. Положение вопроса усложняется до невозможности. Оказывается, что, во-первых, существуют некоторые неизвестные нам вещи в себе, которые аффицируют нашу чувственность; во-вторых, чрез это возникают предметы, как явления (а не реальности в собственном смысле), которые еще раз аффицируют с своей стороны наши чувства, вследствие чего, в-третьих, мы получаем еще раз предметы как явления плюс их чисто субъективные (вторичные) свойства. Таким образом, внешние предметы оказываются разом и субъективными явлениями (в противоположность неизвестным вещам в себе) и объективными вещами в себе (в противоположность чувственным, вторичным свойствам). Так, вкус вина не есть его объективное определение, даже и в том случае, если мы рассматриваем вино как явление, а не вещь в себе. Предметы с этой точки зрения оказываются чем-то полуреальным: они идеальны (т. е. призрачны) в отношении к собственной последней реальности; но реальны в противоположность вкусу, цвету и пр. Такая постановка дела, очевидно, была слишком сложна, шатка и неясна, и вот почему Кант во втором издании ее изменяет: все ощущения — и первичные и вторичные — он про-

тивны, так что «справедливо считаются не свойствами вещей, но лишь изменениями нашего субъекта, которые у различных людей могут быть даже весьма различны», чего о пространстве, представление о котором у всех людей одинаково, очевидно, сказать нельзя, вследствие чего, сравнительно с субъективностью (т. е. чистою индивидуальностью, индивидуальную изменчивостью) ощущений, пространство может быть названо объективным (в смысле одинаковости у всех людей или общегодности, а также в смысле необходимого условия опыта, нашего эмпирического знания). Но, с другой стороны, ощущения содержат, по обычному толкованию их наивным сознанием, нечто большее,

тивополагает, как нечто субъективное, пространству, как чему-то сравнительно объективному, «так как оно дает возможность познать объект и именно a priori»: простые ощущения суть нечто внутреннее и не дают нам ничего внешнего, никакого «вне нас»; только представление пространства дает нам возможность превращать эти чисто внутренние ощущения во внешние предметы. Таким образом, цель, с которою написаны два последних абзаца, теперь, по исправлении их во втором издании, достигнута: объективность представления о пространстве отличена от простых чувственных ощущений и ему присвоено высшее «достоинство». У пространства и ощущений есть нечто общее — объективность, но в пределах этой субъективности в широком смысле Кант делает еще различие объективности и субъективности в тесном смысле. Пространство, таким образом, занимает исключительное место: оно вместе и субъективно и объективно («субъективно-объективно»). В сравнении с ним субъективность ощущений есть, так сказать, субъективность второй степени. Итак, в конце концов, пространство, по Канту, все же субъективно, хотя и не в такой степени, как ощущения. Обращаясь, для сравнения и для иллюстрации кантовского учения о пространстве к теории первичных и вторичных свойств, Файгингер устанавливает такую пропорцию: «Как, по Локковой теории, чувственные качества относятся к эмпирическим предметам, так или подобным же образом, по кантовской теории, представление о пространстве относится к трансцендентным (лежащим по ту сторону опыта) объектам. Или иначе: по Локку, чувственные свойства и эмпирические предметы относятся друг к другу как явление и вещь в себе; так же или подобным же образом, по Канту, все, находящиеся в пространстве, вещи относятся к истинным вещам, к вещам внепространственным». Файгингер, стр. 362—365, *passim*. — Несмотря на все усилия Файгингера довести мысль Канта до отчетливой ясности (мы воспроизвели в этом примечании все существенные разъяснения Файгингера), очевидно, что и после этих разъяснений она все-таки остается очень трудно уловимой и в высшей степени эластичной. Уже одно это обстоятельство не может располагать в ее пользу.

чем пространство: ибо «в эмпирическом рассудке (т. е. на ступени наивного сознания) то, что первоначально само есть лишь явление, наприм<ер> эта роза, имеет значение вещи в себе (т. е. значение независимо от нас существующего предмета)». Смотреть на пространство так, как обычное сознание («эмпирический рассудок») смотрит на ощущения, с кантовской точки зрения, очевидно, никак нельзя: «наше трансцендентальное понятие о явлениях в пространстве, — так резюмирует свою мысль Кант в конце замечания, — есть критическое напоминание, что вообще ничто, созерцаемое в пространстве, не есть вещь сама в себе, равно как и пространство не есть форма вещей, которая была бы свойственна им самим в себе, но что предметы в себе нам вовсе неизвестны, а то, что мы называем внешними предметами, есть не что иное, как простые представления нашей чувственности, форма которых (представлений) есть пространство, но которых истинный коррелят, т. е. вещь сама в себе, чрез них нисколько не познается и познана быть не может»²⁵.

Итак, Кантова «Трансцендентальная эстетика» не просто оставляет нас в нерешительности относительно реальности пространства и представляемого в нем внешнего мира, но прямо обязывает нас признать, что это — наш собственный продукт, призрак, хотя как выраженный в одной, у всех одинаковой, форме, призрак всеобщий. Нужно хорошо взвесить этот скептический вывод, правильно извлеченный логикой великого силлогиста из его учения о пространстве, чтобы ясно понять, с чем, собственно, мы имеем здесь дело.

